

Иногда свет приходит не сразу. Он учится ждать — вместе с нами.

МЕДЛЕННЫЙ СВЕТ

Вивьен Нуар

Роман
о выборе, который
меняет тишину внутри

Продолжение романа
«Аромат незабудки»

Вивьен Нуар
Медленный свет

«Автор»

2026

Нуар В.

Медленный свет / В. Нуар — «Автор», 2026

Можно ли полюбить человека, которого почти не знаешь? Можно ли тосковать по тому, кто, может быть, уже забыл твоё имя? Тамара не задаёт себе этих вопросов. Она просто едет в Петербург, находит книгу стихов и возвращается домой. А потом наступает октябрь. Продолжение романа «Аромат незабудки»

© Нуар В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Платье	5
Глава 2. Митины сборы	8
Глава 3. Даша	10
Глава 4. Сапсан	12
Глава 5. Старый отель	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Медленный свет

Глава 1. Платье

Чемодан я достала с антресолей в воскресенье вечером.

Он был тот самый — тёмно-синий, на колёсиках, с немного расхлябанной ручкой. Последний раз выезжал лет восемь назад, в Казань, на конференцию. Тогда я упаковала его за двадцать минут: три блузки, брюки, деловой пиджак, зарядка для телефона, зонт. Приехала, выступила с докладом, вернулась. Ничего лишнего.

Сейчас я стояла перед открытым шкафом и думала: что надевают в Петербург в мае?

Не в командировку. Просто — в Петербург. Гулять. Смотреть. Быть.

Это было труднее, чем казалось.

Я перебирала вещи методично, вешалка за вешалкой. Вот блузка голубая — хорошая, но офисная. Вот юбка серая — правильная, но скучная. Вот кофта тёмно-бордовая, которую я купила три года назад и надевала от силы дважды. Вот джинсы — нет, джинсы я не ношу, это уже устойчивый факт о себе.

Шкаф был полон вещами. Надеть было нечего.

Интересное наблюдение.

* * *

Люда позвонила в половине восьмого.

— Ты уже собираешься?

— Стою перед шкафом.

— И?

— И он пустой, — сказала я. — При том, что он не пустой.

Короткое молчание. Люда хорошо умеет молчать — не пустым молчанием, а таким, которое думает.

— Ты когда последний раз покупала что-нибудь для себя? — спросила она. — Не подарок, не «по случаю». Себе.

Я думала.

— В том году купила зонт.

— Тамара.

— Хороший зонт. Автомат.

— Это не считается. — Пауза. — В субботу идём за платьем.

— Люда, мне не нужно платье.

— Откуда ты знаешь? Ты его ещё не видела.

— Я в смысле — зачем платье в Петербург. Там будут музеи, Нева, ветер, по набережным ходить...

— Именно, — сказала Люда. — Именно за этим. В субботу, в десять. Я заеду.

И положила трубку.

* * *

Алина позвонила на следующий день.

Это само по себе было необычно — она обычно пишет сообщение, звонит редко. Я взяла трубку с лёгким удивлением.

— Тамара Ивановна, добрый день. Не отвлекаю?

— Нет, Алиночка. Всё в порядке?

— Да, у нас всё хорошо. — Небольшая пауза. — Я хотела спросить... Гена сказал, вы собираетесь в Петербург на следующей неделе. Поезд в четверг?

— Да, «Сапсан» в полдень.

— Вы уже всё собрали?

Вот это вопрос.

— Почти, — сказала я.

— Тамара Ивановна, — она снова сделала паузу, и в этой паузе было что-то осторожное, как будто нащупывала, куда поставить ногу, чтобы не провалиться. — Я на прошлой неделе была в «Меандре» — знаете, это магазин на Большой Ордынке — там привезли летнюю коллекцию. И там было платье. Я подумала... вы знаете, я не лезу, конечно, но оно было такого цвета, знаете, как... как тот синий флакон, который вы купили весной.

Молчание. Моё.

— Ты видела флакон? — спросила я наконец.

— Он стоит у вас на подоконнике, — сказала Алина просто. — Я заметила в прошлый раз, когда приезжали. Рядом с башней Сонечки.

Она заметила. Конечно — она всё замечает.

— Это просто хороший аромат, — сказала я.

— Конечно, — согласилась Алина немедленно и без интонации. — Так вот, платье — там есть приталенный крой, длина миди, очень приличное. Я могу скинуть адрес магазина, если хотите.

— Скинь, — сказала я после секунды. — Спасибо, Алиночка.

— Удачных сборов.

* * *

В субботу Люда приехала в десять ровно.

В руке — кофе навынос, два стакана. Один протянула мне в дверях, не объясняя.

— Пошли, — сказала она.

— Ты хоть зайди.

— Зайдём потом. Сначала платье, потом чай.

Мы поехали на Большую Ордынку. Адрес, который прислала Алина, привёл нас к небольшому магазину с широкой витриной — там стояли два манекена в летних вещах, и был какой-то особенный порядок в витрине, не кричащий, не торговый, просто — приятный глазу.

— Неплохо, — сказала Люда, оглядываясь у входа.

Мы вошли.

Продавщица — немолодая женщина, вежливая и без навязчивости — кивнула нам и не подошла. Это было правильно.

Я шла между рядами. Трогала рукава. Смотрела на цвета. Обычно в магазинах я хожу быстро, с конкретной целью: нужна такая вещь, вот она, беру, ухожу. Сейчас торопиться было некуда.

Странное ощущение — и хорошее.

Платье я нашла не сразу.

Оно висело чуть в стороне от других, как будто само по себе. Синее — не тёмное и не яркое, такой тихий синий, который бывает у вечернего неба перед самыми сумерками. Приталенный крой, длина до середины икры. Простое, без лишнего.

Я взяла с вешалки. Поддержала.

— Это оно, — сказала Люда у меня за плечом.

— Ты ещё не видела, как сидит.

— Видела. Примерь — и убедишься.

Примерочная была маленькая, с хорошим зеркалом. Я застегнула молнию. Посмотрела.

Вот так.

Не то что — красавица. Но другая. Не женщина в офисной блузке, не женщина в правильных брюках, не женщина, которая собирается на работу, с работы, по делу. Просто — я. В синем платье. В мае.

За занавеской голос Люды:

— Ну?

Я отдёрнула занавеску.

Люда смотрела. Молчала секунду.

— Берём, — сказала она.

— Ты не спросила, нравится ли мне.

— Нравится. Я вижу.

Умеет читать, ничего не скажешь.

— Ладно, — сказала я. — Берём.

* * *

Уже дома, когда пили чай и платье висело на спинке стула — аккуратно, в пакете, — Люда сказала:

— Алина подсказала, где магазин?

— Да.

— Хм. — Люда поставила чашку. — Значит, она заметила что-то.

— Что именно?

— Что ты меняешься. — Пауза. — Тамара, она умная женщина. Ты это давно знала, просто не хотела признавать.

— Я признавала.

— С декабря признаёшь. Раньше — терпела.

Я посмотрела на неё. Люда смотрела на меня спокойно, без осуждения — просто констатировала.

— Ладно, — сказала я. — Пусть с декабря.

— И это уже хорошо, — сказала Люда. — Ещё чай?

— Налей.

Глава 2. Митины сборы

Звонок от Гены зазвонил в среду утром.

Я в тот момент укладывала в чемодан синее платье — аккуратно, переложив бумагой, чтобы не смялось. Телефон дрогнул на столе. Гена.

— Мам, привет. Как дела?

— Хорошо. Собираюсь.

— Да, завтра же «Сапсан». — Голос у него был немного особенный. Я эту особенность знала — так говорят, когда ещё не перешли к главному. — Слушай, мам, я хотел спросить. Митя на следующей неделе едет на сборы, спортивные. Плавание у него. Три дня, в Подмосковье.

— Я помню, ты говорил.

— Ну да. Мы с Алиной немного в запарке — у неё в понедельник большая презентация, я объект сдаю. И у нас как-то... В общем, Митя не собран ещё. Я думал — может, ты бы захала, помогла ему? Ты понимаешь эти дела — список вещей, плавки, полотенца, всё такое.

Вот оно.

Я стояла и держала телефон, и смотрела на открытый чемодан.

Синее платье лежало внутри. Завтра в полдень — «Сапсан».

— Гена, — сказала я.

— А?

— Я завтра уезжаю.

— Ну да, я знаю. Я имею в виду — сегодня. Или, может, попросить Митю к тебе приехать?

— Гена. — Я подождала секунду. — Митин список вещей для сборов — его мама знает лучше, чем я. Или тренер. У них должен быть список от тренера.

— Ну есть, конечно. Просто хотел, чтобы кто-то проконтролировал, понимаешь? Митя сам не соберётся, он забудет половину.

— Алина не забудет. Ты не забудешь.

Молчание.

— Мам, ты сейчас занята?

— Да, Гена. Я собираюсь в Петербург.

Ещё молчание. Более долгое.

— Ладно, — сказал он наконец. — Понял. — Голос не обиженный — скорее удивлённый. Как будто я сказала что-то неожиданное, хотя и логичное. — Разберёмся сами.

— Разберётесь, — согласилась я. — Пусть Митя хорошо съездит. Поговори с ним, он умный мальчик — соберётся.

— Да. Конечно. — Пауза. — Ты там звони, если что.

— Позвоню.

* * *

Я положила телефон. Вернулась к чемодану.

Продолжила складывать.

Платье. Кардиган — серый, тёплый, в Петербурге в мае бывает холодно. Два свитера. Туфли и удобные ботинки на плоской подошве — по набережным ходить. Зонт, конечно. Книга — взяла с полки томик Ахматовой, показалось правильным для Петербурга.

Синий флакон я тоже положила. Подумала — и положила. Он маленький, почти невесомый. Уместится.

Зачем, — спросила я себя. — Ты везёшь в Петербург духи, которые пахнут женщиной, которую ты никогда не знала.

Не ответила себе. Просто закрыла чемодан.

* * *

Вечером позвонила Сонечка.

Точнее — позвонила Оля, но Сонечка немедленно перехватила трубку.

— Бабушка! Бабушка, ты завтра уезжаешь?

— Завтра.

— Я помню. Ты обещала открытку.

— Помню.

— Привези мне открытку. Знаешь, какую? — Она сделала паузу, и в этой паузе было что-то торжественное — как перед важным объявлением. — Про любовь. Чтобы там было написано про любовь. Или нарисовано. Или — и написано, и нарисовано.

Что-то сжалось — не больно, просто — сжалось. Как бывает, когда слово попадает не туда, куда его ждёшь.

— Хорошо, Сонечка, — сказала я. — Привезу.

— Бабушка, а ты знаешь, что такое любовь?

— Соня! — Это Оля, фоном. — Не задавай бабушке такие вопросы.

— Почему? — искренне удивилась Сонечка. — Это интересный вопрос.

— Знаю, — сказала я.

— Расскажи.

— Это для разговора вживую. Когда вернусь.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она, кажется, осталась довольна. Передала трубку Оле. Оля сказала: вы не обращайтесь внимания, она у нас такая — всё время с вопросами. Я сказала: это хорошо, это очень хорошо. Попрощались.

Я поставила телефон на зарядку. Прошла к окну.

Про любовь.

Открытку найти несложно. А вот что отвечать — непонятно.

Что такое любовь в шестьдесят лет? Не то что в сорок. И не то, что в двадцать. Что-то другое. Что-то, у чего ещё нет правильного названия — во всяком случае, у меня.

За окном был тихий майский вечер. Двор, фонари, лавочка — на ней сидели двое: пожилой мужчина и мальчик лет десяти, вероятно, внук. Мальчик что-то рассказывал, мужчина слушал.

Я смотрела на них долго.

Потом пошла спать.

Засыпала медленно — Сонечкин вопрос кружился где-то рядом и не давал провалиться в тишину быстро.

Глава 3. Даша

Гена перезвонил в четверг утром — я уже надевала пальто.

Чемодан стоял у двери. Такси заказано на одиннадцать. «Сапсан» в полдень, нужно при-
быть заранее — я не умею опаздывать, даже когда никуда не спешу.

— Мам, привет. Ты уже едешь?

— Через час.

— Хорошо. Я просто хотел сказать — Митя собрался. Сам, почти. Алина список распе-
чатала, и он сам собрал. Только очки для плавания забыл, но я заметил.

— Хорошо, Гена.

— Ты была права. — Пауза, в которой он, кажется, что-то ещё обдумывал. — Мам, ещё
одно. Ты помнишь, Даша хотела к тебе в эту пятницу? Ночевать.

— Помню. Мы договаривались.

— Ну вот. Она теперь не хочет. Не потому, что что-то случилось, — добавил он быстро.
— Просто у бабушки Тани — мамы Алины — появился котёнок. Новый. Две недели как. И
Даша хочет туда. Говорит: там котёнок, и он маленький, и его надо гладить.

Вот так.

— Понятно, — сказала я.

— Ты не обижаешься?

Хороший вопрос, Гена. Обижаюсь ли я?

Я подождала секунду. Нечестно отвечать быстро — на такие вещи нужно отвечать честно.

— Немного, — сказала я. — Но это моё. Не Дашино. Она семилетний ребёнок, и там
есть котёнок.

— Мам...

— Гена, всё хорошо. Пусть едет к котёнку. Когда вернусь — она ко мне приедет.

— Ты точно не обижаешься?

— Я точно еду в Петербург, — сказала я. — Поезд ждать не будет. Всё хорошо, правда.

Мы попрощались. Я убрала телефон.

* * *

Такси пришло в одиннадцать ровно — как заказывала. Шофёр помог погрузить чемодан,
ни слова лишнего, это было правильно: когда едешь на вокзал, не всегда хочется разговаривать.
Хочется смотреть в окно, как едет Москва.

Я смотрела.

Арбат. Садовое кольцо. Река мелькнула — серебристая, майская. Потом трасса, мост, и
вот уже Ленинградский вокзал, красный кирпич, гул людей, запах вагонов и кофе из ларьков
одновременно.

Я люблю вокзалы. Всегда любила — это место, где люди движутся, и каждое движение
куда-то. Никто не стоит просто так.

Я тоже — куда-то.

— Тамара!

Люда стояла у третьего пути. В пальто, с чемоданом, с двумя стаканами кофе навынос.
Она всегда берёт кофе — как будто кофе делает всё официальным.

— Вот, — сказала она, протягивая стакан.

— Спасибо.

— Ну как — собралась? Не забыла шерстяные носки в ручную кладь?

— Люда.

— Шучу. — Она улыбнулась. Взяла мой чемодан за ручку. — Пойдём, нам во второй
вагон.

Мы пошли вдоль перрона.

Всё-таки — немного. Немного обидно — не на Дашу, конечно. На что именно — не очень понятно. На то, что котёнок у другой бабушки интереснее, чем всё то, что я могу предложить? На то, что пока я была нужна — стояла наготове, а теперь, когда уехала, оказалось — можно и без меня?

Глупо. Котёнок — это котёнок. Там живая тёплая маленькая вещь, которую надо гладить. Ни один разговор с бабушкой это не перевесит.

Просто иногда хочется — быть тем самым котёнком. Чтобы к тебе — потому что хочется, а не потому, что так положено.

— Тамара, ты думаешь о чём-то, — сказала Люда у вагонной двери.

— Немного.

— О плохом?

— Нет. О котятках.

Она посмотрела на меня с тем выражением, которое означает: я не буду спрашивать сейчас, но потом расскажешь.

— Садись, — сказала она. — Четыре часа до Петербурга.

Я поставила чемодан в накопитель. Нашла своё место. Поезд мягко двинулся.

Едем.

Глава 4. Сапсан

«Сапсан» идёт четыре часа.

Я смотрела в окно.

За окном природа разворачивалась — правильная, майская, зелёная. Поля, перелески, маленькие станции, где поезд не останавливается. Иногда дом одинокий в полях — кто там живёт, как живёт, хорошо ли.

На соседнем сиденье напротив ехала женщина — лет пятидесяти, в тёмном жакете, с планшетом. Работала. Листала что-то, делала пометки. Потом вдруг подняла взгляд — посмотрела в окно, не на меня. Просто — в поля. Несколько секунд. Потом вернулась к планшету.

Интересно — что она увидела за эти несколько секунд? Или ничего не увидела — просто дала глазам отдохнуть?

Год назад я бы тоже ехала с планшетом.

— Тамара, — сказала Люда через сорок минут. — Ты будешь смотреть в окно четыре часа?

— Может, да. Там интересно.

— Там поля.

— Красивые.

Она вздохнула — не раздражённо, а с той интонацией, которую я знаю сорок лет: ты опять делаешь что-то не так, как все, и я давно перестала удивляться.

— Ладно, — сказала Люда. — Тогда я читаю.

Она достала телефон. Я продолжила смотреть в окно.

Мы так и ехали некоторое время — она читала, я смотрела. Как-то само собой молчание стало уютным, как бывает только с очень старым другом, которому не нужно заполнять тишину.

Потом Люда отложила телефон.

— Про котят расскажешь?

— Даша не поедет ко мне ночевать. У бабушки Тани котёнок.

— А. — Люда помолчала. — Это больно?

— Немного.

— Ты ей позвонила? Дашке.

— Нет. Зачем?

— Просто так. Поговорить.

— Люда, ей семь лет. Котёнок победит разговор с бабушкой при любом раскладе. Это закон природы.

— Это правда, — согласилась Люда. — Но ты расстроилась.

— Немного, — повторила я. — И перестала.

— Быстро.

— Мне в Петербург ехать. Некогда долго расстраиваться.

Люда смотрела на меня. Потом улыбнулась — по-настоящему, не иронически.

— Знаешь, — сказала она, — вот это мне нравится в тебе последние месяцы.

— Что именно?

— То, что ты стала расстраиваться и перестала. Раньше ты вообще не расстраивалась — то есть расстраивалась внутри, но снаружи — нет. Всё хорошо, всё нормально, мне не надо ничего особенного.

Я молчала.

— А теперь — немного больно, и говоришь об этом. И перестаёшь. Это честнее.

— Люда, ты философствуешь.

— Нет. Я наблюдаю.

За окном промелькнул маленький город — красные крыши, белые церкви, рынок на площади. Промелькнул и ушёл.

— Я Сонечке обещала открытку, — сказала я.

— Я слышала. Про любовь.

— Откуда ты знаешь?

— Оля говорила. — Пауза. — Что будешь ей отвечать? На вопрос про любовь.

Я думала. По-настоящему — не для разговора.

— Не знаю ещё, — сказала я.

— Честно.

— Это единственный вариант — с ней говорить честно. Она всё равно поймёт, если соврёшь.

— Это правда, — согласилась Люда. И немного помолчала. — Тамара.

— Что?

— Ты думаешь о нём? Про дорогу?

Я не спросила — о ком. Мы обе знали, о ком.

— Нет, — сказала я. — Сейчас не думаю.

— Это хорошо?

— Это просто так, — сказала я. — Я смотрю в окно. Там красивые поля.

Люда ничего не ответила. Взяла снова телефон. За окном мелькала природа — необъятная, зелёная, майская, равнодушная к тому, что происходит в голове у пассажиров «Сапсана».

Пять месяцев. Пять месяцев я думала иногда — не постоянно, не тяжело, но думала. Шарф серый. Запах незабудки. То, что он хотел сказать на Монмартре и не сказал. Флакон на подоконнике.

Москва большая. Я не знаю его фамилии. Я не искала.

Не искала.

Поезд шёл. Поля сменялись лесами, леса — полями. Россия не заканчивалась.

Я смотрела в окно до самого Петербурга.

Глава 5. Старый отель

Петербург встретил нас ветром.

Не холодным — майским, живым, с запахом воды и чего-то ещё, что бывает только здесь. Москва — это движение, вперёд и некогда. Петербург идёт медленнее, но смотрит строже.

В такси Люда смотрела в окно и молчала. Потом сказала:

— Красиво.

— Правда?

— Не ожидала. То есть ожидала, конечно. Но всё равно.

* * *

Отель был на Рубинштейна — узкая улица, тихая по петербургским меркам. Дом серый, с высокими окнами, медная табличка у входа. Ступени — старые, чуть стёртые посередине — и деревянные перила, тёмные от времени.

Люда остановилась у входа.

— Тамара. Здесь пахнет историей.

— Это хорошо или плохо?

— Пока непонятно. — Она потянула дверь. — Пойдём.

Внутри — небольшой холл, высокие потолки с лепниной, стойка ресепшн, за которой молодой человек в очках читал книгу и поднял взгляд только когда услышал шаги. На стенах — старые карты Петербурга за стеклом. В углу — круглый стол с вазой, в вазе — ветки с белыми цветами, простые.

Пахло деревом и живыми цветами.

Вот сюда.

— Тамара Ивановна? — спросил молодой человек.

— Да.

— Добро пожаловать. — Он поднялся, протянул ключи — настоящие, не карточки. — У вас два номера на третьем этаже. Лифт работает, но он маленький. Завтраки с восьми до десяти, вот карта района — если нужна. Если что-то понадобится, меня зовут Антон.

Люда взяла карту. Повертела в руках.

— Антон, — сказала она, — здесь написано «книжная лавка», вот здесь. Это что?

— На Фонтанке? Это хорошее место. Там старые книги, открытки, иногда привозят что-то редкое. Хозяйка — Елена Васильевна, она давно держит.

— Далеко?

— Пешком минут десять.

— Спасибо, — сказала Люда и посмотрела на меня.

Я не ответила на её взгляд. Взяла ключ.

* * *

Мой номер был на третьем этаже — небольшой, с одним окном на улицу. Старая мебель: комод с зеркалом, кровать с деревянным изголовьем, стул с гнутыми ножками. На подоконнике — маленькая статуэтка льва, бронзовая, облезшая на ухе. Петербургская деталь.

Я поставила чемодан. Подошла к окну.

Улица Рубинштейна внизу — люди, кафе с открытыми верандами, велосипедисты. Напротив — дом такого же возраста, что и этот: серый, с фигурными карнизами, с тёмными от времени рамами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.